

НОВЫЙ ШАГ НА ПУТИ ИЗУЧЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ И ЦАРСТВЕ ПОЛЬСКОМ В 60-х ГОДАХ XIX в.

Проблемы, связанные с созданием и особенностями общероссийской революционной ситуации конца 50-х — начала 60-х годов XIX в., вызывают постоянный интерес историков. Из каких элементов складывалась революционная ситуация, как протекала она в различных частях империи — эти вопросы привлекают внимание не только советских, но и зарубежных исследователей. Развитию революционной ситуации в Царстве Польском в ее связи с внутренней и внешней политикой России посвящены новые работы польских ученых Стефана Кеневича и Ирены Кобердовой¹.

Книга И. Кобердова «Великий князь Константин в Варшаве. 1862—1863»² анализирует соотношение различных сил польского общества и их взаимоотношения с царизмом в начале 60-х годов. Автор поставил перед собой ряд задач: проследить органическую связь народно-освободительной борьбы польского народа с развитием революционной ситуации в России; исследовать вопрос о том, как протекал и от чего зависел «кризис верхов», характерный для периода революционной ситуации, и как он отражался на ситуации в Польше.

Наконец, много внимания в книге уделено перипетиям дипломатических отношений с Францией.

В отличие от ряда польских историков, преувеличивающих влияние польских событий на Россию, И. Кобердова правильно связывает непоследовательность политики царизма в Польше в 1861—1862 гг. с развитием революционной ситуации в самой России, с усилением или ослаблением революционной борьбы народных масс. Так, в середине 1861 г., когда до введения уставных грамот прекратились массовые выступления крестьян, а в России пришли к власти известные своими реакционными взглядами министры, в Царстве Польском усилились репрессии против участников патриотических манифестаций. Впрочем, едва ли можно считать, что они проводились вопреки воле Александра II, как полагает автор.

Однако, как только оживилась классовая борьба в России, царское правительство вынуждено было пойти на уступки в Царстве Польском. Для обсуждения программы реформ в Петербург в конце 1861 г. был вызван Велёпольский. В Петербурге, разумеется, понимали, что реформы, проводимые царем в Царстве Польском в 1861 г., грозили ростом конституционного движения в самой России. Но, с другой стороны, события не позволяли ждать: из Польши стали доходить сведения о подготовке восстания, наличии революционного заговора в частях русской армии, дислоцированных в Варшаве. «Формирующемуся революционному союзу обоих народов,— пишет автор,— царь решил противопоставить союз имущих классов на основе ограниченного либерализма» (стр. 54). Результатом этого решения и явилось принятие программы Велёпольского и назначение наместником великого князя Константина.

Давая характеристику либеральному лагерю в России, автор, на наш взгляд, несколько идеализировал Константина Николаевича, его роль в политической жизни России. Царские министры оцениваются И. Кобердовой сквозь призму их отношения к Константину, часто употребляется даже термин «константиновцы». Но независимо от оценки роли Константина и несколько чрезмерного акцента на субъективных побуждениях «либералов-константиновцев», И. Кобердова справедливо указывает, что, стремясь к проведению реформ сверху, его сторонники хотели воспрепятствовать развитию революционной ситуации. Из их программы автор выделяет такие пункты, как передача земли в собственность крестьянских общин, ограничение прав полиции, судебная и школьная реформы, расширение свободы слова и реформа цензуры. Сторонники Константина были противниками введения конституции, являясь защитниками самодержавия. И. Кобердова проводит грань между либералами западноевропейского типа и этой группой русских либералов (считая, впрочем, несколько упрощенно, что систему их политических взглядов скорее можно назвать «просвещенным абсолютизмом» или «бонапартизмом»). Однако при оценке политической значимости либерального лагеря автор разделяет точку зрения многих польских историков, склонных преувеличивать прогрессивную роль русских либералов того времени.

Большой интерес представляет попытка автора сопоставить политические программы сторонников Константина, западников и славянофилов. И. Кобердова признает, что разделение на западников и славянофилов «после Крымской войны, правда, уже не было таким резким, как в предыдущие годы, и приобрело характер скорее политический, чем философский и религиозный» (стр. 32), но из текста не ясно, кого имеет в виду автор, говоря о западниках. Среди

¹ Обе работы широко используют материалы архивохранилищ СССР: ЦГАДА, ЦГАОР, ЦГВИА, ЦГАВМФ, ЦГИАЛ и рукописных отделов ГБЛ и ГПБ им. Салтыкова-Щедрина.

² J. Koberdowa. Wielki książę Konstanty w Warszawie. 1862—1863. Warszawa, 1962. И. Кобердовой принадлежат работы по истории польской эмиграции и внешнеполитических связей восстания 1863 г. («Политика чарторыйщины в период январского восстания», Варшава, 1957; «Ватикан и Польша», Варшава, 1959). В последнее время И. Кобердова обратилась к проблематике, связанной с отношением русского общества к восстанию 1863 г. (См. «Kwartalnik Historyczny», 1962, № 4, стр. 875—889).

славянофилов указан И. С. Аксаков³. В работе показано, как дважды намечалось сближение либералов-константиновцев с западниками и славянофилами. Во время проведения крестьянской реформы часть славянофилов сблизились со сторонниками Константина, поскольку их привлекало признание за крестьянскими общинами права на землю. Западники также отчасти поддерживали программу константиновцев, особенно требование школьной реформы и реорганизации цензуры. Однако вскоре их интересы разошлись. После принятия нового курса в Царстве Польском наступил второй период некоторого сближения интересов этих направлений. С программой консервативных реформ Велёпольского западники связывали надежды на административные реформы и реформу самоуправления в России наподобие польских. Славянофилов привлекала в них идея федерации славянских народов под скипетром русского царя.

Переход царского правительства к политике «единения» с господствующими классами в Царстве Польском, выразителем которой стал Константин Николаевич, тесно увязан в книге с событиями внутренней жизни Польши и внешней политики России. Проведение политики «единения» в Польше началось с создания в польском обществе проправительственной партии. И. Кобердова верно замечает, что такие уступки польским имущим классам как разъединение военной и гражданской властей, отмена должности варшавского генерал-губернатора и другие сопровождались репрессиями против участников патриотического движения; тюрьмы были наполнены, ускоренными темпами шла работа следственных комиссий по политическим делам. Стремясь создать единый фронт борьбы против революционной и демократической партий, Константин пытался тайно установить контакты с консервативными партиями. С другой стороны, явный сговор наместника с польским помещичье-буржуазным лагерем придавал бы, по мнению И. Кобердовой, национально-освободительной борьбе характер радикальной общественной революции.

Особо следует отметить интерес автора к проблеме взаимоотношений наместника с крупными помещиками, подчеркивание того факта, что одним из препятствий к их сближению стали претензии польских помещиков на литовские, белорусские и украинские земли. Наиболее ценным является вывод, который делает автор, говоря о факторах, определявших сложившуюся обстановку. «...Ни конфликт между различными группами помещиков и буржуазии, ни даже их недоговоренность с царскими властями не определяли сути тогдашнего положения в Польше,— пишет И. Кобердова.— Созда-

лась революционная ситуация, которая размежевала общественные группы в зависимости от их классовых интересов...» (стр. 112). Она-то и определяла положение в стране.

Характеризуя таким образом сложившуюся революционную ситуацию, автор особое значение придает тому обстоятельству, что к сентябрю 1862 г. инициатива руководства национально-освободительным движением окончательно перешла в руки революционного Центрального Национального комитета.

Главы исследования, посвященные внешней политике царского правительства, рассматривают ее в органической связи с событиями внутренней жизни России, Царства Польского и Франции. Однако неоправданной представляется основная идея автора о том, что изменения в отношениях с Францией играли решающую роль в определении направления внутренней политики царизма. В работе подчеркнута, что ориентация на сближение России с Францией означала признание необходимости проведения некоторых либеральных реформ в Царстве Польском. Но внешняя политика обоих государств не определялась самопроизвольно Александром II или Наполеоном III. Она диктовалась определенным соотношением политических сил внутри страны. Наполеон имел против себя растущую республиканскую и демократическую оппозицию. Он вынужден был идти на уступки и во внешней политике, декларируя необходимость проведения либеральных реформ в Польше. Назначение великого князя Константина наместником в Царстве Польском означало сближение с Францией. Однако оно не было прочным.

Начало восстания в Царстве Польском означало крах политики «единения» и свидетельствовало о неизбежности франко-русского разрыва. Назначение Ф. Ф. Берга главнокомандующим карательной армией было продиктовано, по мнению автора, международной ситуацией. Фактически оно означало не только отказ от проведения политики «единения», но и внешнеполитическую ориентацию на бывших участников «Священного Союза».

Присоединение к восстанию весной 1863 г. партии «белых» и последовавшие затем отставки поляков — членов уездных и городских советов, а также Государственного Совета, привели к тому, что окончательно была подорвана и без того неширокая база, на которую опирались царские власти при проведении политики «единения» в Польше. Однако, как справедливо замечает И. Кобердова, опасность интервенции западных держав, боязнь оказаться в полной изоляции при окончательном разрыве с Францией заставляли царизм сохранять двойственное положение в системе управления Польшей.

Переходя к характеристике заключительного этапа деятельности великого князя Константина в Царстве Польском, И. Кобердова отмечает то обстоятельство, что дипломатическая интервенция западных государств способствовала разгулу национализма в русском обществе, что давало воз-

³ В упоминавшейся статье Кобердовой к числу славянофилов отнесены Ю. Ф. Самарин и частично М. Н. Погодин, а западниками названы: К. Д. Кавелин, И. С. Тургенев, Петр Долгоруков и И. А. Валуев («Kwartalnik Historyczny», № 4, Warszawa, 1962, s. 876—877).

возможность царизму перейти открыто к политике репрессий против восставших поляков. В то же время последние ноты иностранных держав в августе 1863 г. уже не содержали в себе угрозы интервенции. Поэтому Александр II мог пойти на открытый разрыв с Францией, который наступил в ноябре. В начале сентября великий князь Константин уехал из Царства Польского. Царское правительство окончательно отказалось от сговора с буржуазией и шляхтой.

* * *

Причины срыва соглашения между царизмом и польскими имущими классами в конце 50-х — начале 60-х годов XIX в. выясняет и новая работа Ст. Кеневича «Между „угодой“⁴ и революцией»⁵. Книга Ст. Кеневича имеет подзаголовок: «Анджей Замойский в 1861—1862 гг.». Но эта книга носит отнюдь не биографический характер, хотя судьба «пана Анджея» представляет собой тот стержень, вокруг которого строится повествование. Книга Ст. Кеневича — это анализ сложной политической обстановки в Царстве Польском накануне восстания 1863 г., анализ взаимоотношений основных сил, выступивших в этот период на политической арене, и прежде всего позиции, политической программы и тактики польского буржуазно-помещичьего лагеря «белых», в котором накануне восстания 1863 г. главную роль играла не слабая буржуазия, а крупная шляхта. Автор убедительно показывает, что эта шляхта, стоявшая за А. Замойским, хотя и была в значительной мере втянута в капиталистический прогресс, но и в то же время самым тесным образом оставалась связанной старыми феодальными отношениями. Интерес сохранения помещичьей земельной собственности был для нее главным, определяющим. Это обусловило стремление лаге-

⁴ Термин «угода», обозначающий соглашение между польскими имущими классами, с одной стороны, и царским правительством, с другой, получил распространение в советской исторической литературе и, по видимому, не требует перевода.

⁵ St. Kieniewicz. *Meidzy ugoda i rewolucja*. Andrzej Zamojski w latach 1861—1862, Warszawa, 1962. Автор книги — один из крупнейших историков Польской Народной Республики, в многочисленных трудах которого широко разработаны самые различные вопросы польской истории XIX в. Занимаясь изучением истории всех трех частей разделенной Польши, Кеневич много внимания, в частности, уделял проблематике, связанной с Царством Польским. Периоду подтема национально-освободительной борьбы в Царстве Польском в 60-х годах XIX в. посвящены его монографии «Крестьянский вопрос в январском восстании» (Вроцлав, 1953), «Варшава в январском восстании» (Варшава, 1954) и крупные разделы в обобщающих коллективных трудах польских ученых по истории Польши, а также ряд статей.

ря Замойского обеспечить твердый общественный порядок, необходимым условием которого являлась сильная исполнительная власть. Кеневич подчеркивает, что программа А. Замойского предусматривала сочетание именно такой сильной монархической власти с широким самоуправлением имущих классов под руководством «просвещенной» и благосклонно настроенной к капиталистическому прогрессу аристократии. А поскольку одной из возможных форм реализации этой программы было осуществление династической унии с Россией, для польской шляхты соглашение с царизмом оказывалось желательным и даже необходимым, если учесть ее страх перед возможным использованием крестьянского вопроса царским правительством в своих целях.

Автор справедливо указывает, что путь «угоды» импонировал крупным собственникам, так как исключал непримлемый для них революционный путь завоевания независимости Польши. Кроме того, «угода» сулила польским помещикам осуществление их заветной мечты — присоединения к Царству Польскому белорусских и украинских земель.

Делая закономерный вывод о том, что соглашение с царизмом отвечало интересам польских имущих классов, автор, однако, не ограничивается этим утверждением. Исследуя вопрос о возможности осуществления «угоды» накануне восстания 1863 г., он внимательно рассматривает все факторы, влиявшие на ход событий того времени. В книге не дано специального анализа позиций революционного лагеря, но его роль в событиях, влияние его деятельности на поведение «белых» прослежено очень четко.

Кеневич подчеркивает, что буржуазно-помещичьи круги, смертельно ненавидевшие революцию и боявшиеся ее, решительно отвергавшие путь восстания, вынуждены были считаться с ростом национально-освободительного движения, с нарастанием революционных настроений масс, с усилением революционного лагеря. Преградить дорогу революции они считали возможным, либо перехватив руководство патристическим движением, то есть отказавшись от соглашения с царским правительством, либо добившись от царизма на пути «угоды» известных уступок. При этом характерно, как отмечает Кеневич, что конкретная программа требований к царизму не была сколько-нибудь четко сформулирована А. Замойским и его партией. Уступки правительства, способные, по мнению «белых», ослабить напряженность, трактовались очень широко: здесь могли фигурировать и предоставление местного самоуправления Царству Польскому и «забранным землям»⁶, и восстановление конституции 1815 г., и возрождение польского государства на основе династической унии с Россией.

Автор показывает, что буржуазно-помещичий лагерь пытался использовать оба ка-

⁶ Так польская шляхта называла украинские, белорусские, литовские земли, входившие в состав Речи Посполитой до 1772 г.

завшихся ему возможными пути предотвращения революции. Отдельные патриотические жесты А. Замойского и его соратников позволяли им сохранять свой авторитет в глазах общественного мнения, ослабляли влияние революционных элементов, а порой срывали их планы. Однако последовательно придерживаться этой линии «белые» не могли, так как в конечном итоге она неминуемо влекла их к участию в восстании. Поэтому второй путь — путь «угоды» и выторговывания уступок постоянно находился в поле их зрения.

Но тут уже вступал в действие другой фактор. Для успеха политики «угоды» весьма важной должна была стать позиция самого царизма как политического партнера польской шляхты. Эта позиция обрисована в книге Ст. Кеневича достаточно выразительно, хотя автор, ставя на первый план исследование польского буржуазно-помещичьего лагеря, не делает обобщающих выводов относительно основных линий политики правительства. Тем не менее сами факты, приводимые Ст. Кеневичем, подтверждают правоту тех оценок, с которыми мы познакомились уже по книге Кобердовой; они позволяют определить политику царизма накануне восстания 1863 г. как весьма непоследовательную, характеризовавшуюся попеременным обращением то к уступкам, то к репрессиям. Так же как и Кобердова, автор указывает и на причины такой непоследовательности, отмечая влияние, которое оказывали на позицию правительства в польском вопросе международная обстановка и внутреннее положение Российской империи.

Книга Ст. Кеневича вскрывает всю сложность положения самодержавия, отражавшую «кризис верхов», и в известной мере объясняет отношение царского правительства к «угоде». Как отмечает автор, царизм в поисках тех сил польского общества, на которые он мог бы опереться, делал определенную ставку на союз с «умеренными», т. е. с консервативной помещичьей группой. Однако он не учитывал, что для осуществления такого союза необходимы определенные условия. Правительство недооценивало значение революционного лагеря, но понимало, какое влияние оказывает на «белых» деятельность революционных сил. Видя в существовании левого крыла польского движения благоприятный фактор, способный помочь ему «оторвать» консервативные круги, оно считало репрессии средством, которое может лишь ободрить польских сторонников «порядка», укрепить их желание сотрудничать с властью.

Между тем, как показывает Ст. Кеневич, политика репрессий и отказ царизма от серьезных уступок подрывали основы «угоды», так как в подобной обстановке соглашение с царизмом грозило бы «белым» полной потерей авторитета, усилением влияния революции. Иными словами, подчеркивает автор книги, при тех условиях соглашения, которые выдвигал царизм, «угода» вступала в противоречие с интересами буржуазно-помещичьей партии и потому становилась возможной.

Этот основной конфликт политических позиций двух партнеров Ст. Кеневич прослеживает на разных этапах развития событий конца 50-х — начала 60-х годов в Царстве Польском.

В книге приводятся многочисленные и убедительные факты, свидетельствующие о стремлении А. Замойского и его сторонников к установлению взаимопонимания с самодержавием еще в 1856—1860 гг. Автор подчеркивает значение, которое имел при этом крестьянский вопрос; и правительство, и помещики хотели использовать его разрешение в собственных целях. В таких условиях шляхта вынуждена была держаться особенно лояльно по отношению к властям. Однако пока царизм ничем не проявлял своего желания идти навстречу «угоде», партия А. Замойского не могла явно выступить с лозунгом соглашения. Поскольку же имущие классы открыто отвергали революционные методы борьбы, заговор и восстание, им оставалось только ждать более благоприятного для Польши развития событий в Европе.

Подъем революционного движения в Царстве Польском в 1861 г. заставил помещиков и буржуазию, как показывает Ст. Кеневич, начать политику лавирования между правительством и «улицей». Используя варшавские события для давления на царизм, консервативный лагерь в то же время стремился извлечь выгоду из уступок самодержавия, обратив их против революционных сил.

Казалось, обстановка благоприятствовала этим замыслам. Книга ярко рисует картину растерянности и тревоги в правительственных сферах, приводит факты революционного брожения в армии. Внутренняя слабость царизма вынудила его провозгласить реформы и искать поддержки у польских имущих слоев. Как весьма знаменательный факт автор отмечает, что в февральские дни 1861 г. царские войска охраняли от народа Земледельческое общество, заседавшее под руководством А. Замойского, а шляхта и буржуазия в свою очередь занялись за поддержание в Варшаве «порядка». Однако база «угоды» была очень непрочной. Даже идя на уступки, царизм не хотел называть их уступками, старался сохранить позицию «силы». Одновременно он готовил кровавые репрессии, провоцировал столкновение войск с массами. В этих условиях поддержка «угоды» оказывалась опасной для шляхты, боявшейся «улицы». Кеневич отмечает, что уступки царизма не были так значительны, чтобы заставить «белых» рисковать; на новые же, большие, правительство не соглашалось. Автор видит проявление неуступчивости обоих партнеров, с одной стороны, в объявлении царизмом военного положения в Царстве Польском осенью 1861 г., а с другой — в составлении шляхтой проекта адреса царю.

Книга показывает, что дальнейшие события, связанные с созданием тайной организации «белых», все же не сняли окончательно вопроса о соглашении с самодержавием. Правое, консервативное крыло «белых» постоянно стремилось к «угоде».

Кеневич подчеркивает, что надежды партии А. Замойского были особенно подогреты летом 1862 г., когда правительство вернулось к политике уступок и у власти в Царстве Польском стали великий князь Константин и Велёпольский.

Но активность революционного лагеря, открыто объявившего о создании ЦК и подготовке восстания, вновь преградила путь «угоде». В основных чертах повторилась история 1861 г. «Белые» требовали новых уступок, чтобы компенсировать риск, которому бы их подвергло открытое соглашение с царизмом. Они считали необходимым и полезным составлять оппозицию Велёпольскому, чтобы тем самым помочь ему добиться от правительства максимума возможного. Царизм же, одержав летом 1862 г. победу в борьбе с революционным движением в России, укрепив свои отношения с Наполеоном III, чувствовал себя достаточно сильным, чтобы справиться с поляками, и не считал нужным платить за поддержку шляхте, против которой всегда мог использовать крестьянство.

Смертными приговорами Ярошинскому, Рылло и Жонье в августе 1862 г., указом о проведении рекрутского набора правительство, по мнению Ст. Кеневича, объявляло войну «красным». Вызов А. Замойского в Петербург в сентябре 1862 г. и последующая высылка его за границу означали, что царизм требует от шляхты безоговорочной поддержки, отказа от бесплодных иллюзий на серьезные уступки с его стороны.

В результате правое крыло «белых», как отмечает автор, уже в конце лета присоединилось к Велёпольскому. Однако значительная часть шляхты, считая «угоду» в такой обстановке верным путем к революции, попыталась защитить свои классовые интере-

сы, объединившись с «правицей» «красных», чтобы противостоять развитию революционного движения и восстанию. Когда же восстание разразилось, буржуазно-помещичьи круги примкнули к нему все с той же целью помешать революции и в конечном итоге привели польский народ к поражению.

Таков анализ политики «белых», содержащийся в книге Ст. Кеневича. На его основе автор делает важный и убедительный вывод относительно причин, определивших неудачу «угоды» накануне восстания. Кеневич подчеркивает, что в срыве соглашения польских имущих классов с царизмом главную роль играли не национальные противоречия, не спор «о забранных землях». Вся игра партии А. Замойского между «угодой» и революцией была связана с социальными интересами, это была борьба в первую очередь против революционного лагеря, против восстания и социальной революции.

В этой борьбе, по мнению автора, крупная шляхта русской части Польши в конечном итоге достигла своей цели, защитила интересы своего класса, сохранив собственность, а тем самым известную долю хозяйственного и политического влияния. Но руководство «большой политикой» навсегда ушло из ее рук, и в этом Ст. Кеневич видит результат позиции, занятой буржуазно-помещичьим лагерем в Царстве Польском накануне и в период восстания 1863 г.

Монография Ст. Кеневича, как и работа И. Кобердовой, решает, таким образом, важные и интересные проблемы. Обе книги расширяют сферу исследования проблемы «кризиса верхов» и дополняют картину революционной ситуации, сложившейся в Российской империи к 60-м годам XIX в.

Л. А. Обушенкова, С. М. Фалькович

